

Ольга Данилочкина
Любимых не бросают

Рассказы

Ольга Данилочкина

Любимых не бросают. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39145123

ISBN 9785449368539

Аннотация

В книгу Ольги Данилочкиной вошли старые и новые рассказы, в том числе «Счастье, ты где?» (1-е место, лауреат Международного Фонда ВСМ). Герои Данилочкиной – обычные люди, но судьба их необычна: они любят и ненавидят, плачут и смеются, ищут и находят – в общем, заражают желанием жить.

Содержание

«Она пишет правду»	5
Белые ботиночки для Светки	7
«Здравствуй, моя маленькая...»	11
Любимых не бросают	14
Обнимай под музыку	21
Куда же мы пришли?..	23
Мама	26
Нуждающиеся в совести	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Любимых не бросают

Рассказы

Ольга Данилочкина

© Ольга Данилочкина, 2018

ISBN 978-5-4493-6853-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Она пишет правду»

«Кто это – Ольга Данилочкина, – чьи рассказы вы все время отмечаете в соцсетях?» – спрашивают меня мои старшеклассники. «Вот прочтете – расскажу», – отвечаю я.

Через некоторое время возвращаемся к разговору. «Рассказы понравились? Чем?» – спрашиваю их. «А знаете, она пишет правду. И еще: сразу чувствуешь, что она переживает то, о чем пишет», – говорят мне подростки.

Я не сомневалась ни минуты, что рассказы затронут их. И с гордостью сообщила, что автор – моя близкая подруга. Конечно, рассказала о нашей многолетней дружбе. Давнишней, с детского сада.

Мне кажется, если современного школьника сумели за-

интересовать рассказы Ольги Данилочкиной – это говорит о многом. Написаны они в лучших традициях классической литературы: трогательно, умно, грамотно. Порой с юмором и задором, порой хлестко и жестко! Автор не гонится за «модными» темами, она продолжает говорить о вечном, ценном.

Я пишу это не потому, что Ольга – моя подруга, а потому, что моя подруга – талантливый человек. Я горжусь ею.

Галина Дроздова

Белые ботиночки для Светки

Очень серьезное учреждение. Очередь. Спрашиваю последнего, пробираюсь в хвост.

Вижу колоритную картинку: две тетки, устроившись на скамейках, бойко шуршат пакетами, расстилают на коленках полотенчико, вынимают снедь, достают термос. С ними еще кто-то. Вот так втроем они наворачивают свои пироги, запивая чаем. «Тебе с чем попался, Галюнь?» – весело спрашивает одна. «Мне с яичком и луком. Вкуснятина», – бойко отвечает другая. «Ой, а мне с яблочками», – восклицает третья. Я не вижу ее, но, видимо, говорит с набитым ртом, потому что слов почти не разобрать. Ароматы по казенному учреждению витают необыкновенно аппетитные.

«Безобразие. Устроили тут закусочную. Простота хуже воровства», – сквозь зубы, но так, чтобы слышали все, цедит ухоженная дама, стоящая в этой же очереди. Отходит подальше, брезгливо оттопырив пальчик. На пальчике красивое колечко. Дорогое, наверно.

Кто-то проявляет солидарность с дамой – строго поджигает губы, недоуменно шевелит бровями. Кто-то снисходительно хмыкает. А прочим вообще все равно – очередь совсем не движется, господи, когда же все это закончится, духота-то какая, скорее бы вызвали.

Наконец в кабинет приглашают этих самых тёток. Суматошно заталкивая в авоськи свои пакеты с недоеденными пирогами и термосами, они подхватываются и спешат к заветной двери. «Галюня, держи Светку», – командует старшая. Она шагает впереди с охапкой папок, бумаг и документов. За ней топают те самые Галюня и Светик. Галюня – сестра. Светик, соответственно, – дочка: девушка лет двадцати.

У неё горб. Ее ноги неестественно вывернуты. Она хромот. Ее руки болтаются плетью. Ее глаза косят. Но она нарядная: розовая блузка с воланами, светлые джинсы, белые ботиночки. Ну и пусть они специальные – ортопедические – зато вон красивые какие. Мама и тётя для своей Светы всё самое лучшее покупают. И самое вкусное. «Идём-идём, моя куколка», – суетится тётка.

«Тётя, я сама пойду, не надо за ручку», – говорит Светик. Говорит плохо, во рту словно каша (так вот кто восклицал про пирог с яблочками). «Ну ладно, моя рыбочка, иди сама», – соглашается тётя Галюня. Но глаз с племянницы не спускает. И девушка, храбро волоча кривые ножки, топает за матерью.

Проводив их до двери, Галюня со вздохом неимоверного облегчения прислоняется к стенке: «Слава тебе, господи, дождались. Только бы все получилось». Какая-то бабка сочувственно спрашивает: «Что с девочкой вашей?» Тётя Галюня привычно отвечает: «Детский церебральный паралич у нашей Светочки. С рождения. Но ведь ходит, не лежащая, как бывает у других. Да не жалей ты нас, бабушка...»

Галюня и ее сестра уже давно ко всему привыкли – к жалости, брезгливости. К равнодушию привыкли тоже. Но всяко бывает. Бывает, что и хорошо люди относятся, не рассматривают в упор их косоглазую горбатую девочку, не ойкают, не спрашивают шепотом: а она у вас не агрессивная? Но чаще это те, кто сам воспитывает ребенка-инвалида.

...Галюня и ее сестра живут в своем мире. В том мире, где свое расписание, свои законы, свой порядок. И если их рыбочке-Светке пришла пора обедать, а очереди в казенном учреждении конца и края не видно, то мама с теткой доста-

нут баулы с утрешними пирогами. Вытащат термос с тепленьким чаем, чистое полотенчишко и накормят свою куколку. И чихать они хотели на то, что про них подумают или скажут чужие. Потому что у мамы есть дочка Светка с диагнозом «ДЦП». А у Галюни – сестра и племянница-инвалид. Больше у них никого на свете нет. Да и не надо...

«Здравствуй, моя маленькая...»

Алла Дмитриевна Сангалова

Я не найду ее номера в последних набранных: не звонила ей очень давно. Листаю телефонную книгу в мобильном. Нахожу в общем списке. Набираю. Жду.

Идут гудки. Не берут трубку...

Все ли в порядке? Где она? Лишь бы ответила. Я скажу: «Здравствуйте, это я». Она наверно ответит: «Здравствуй, Оля...» Я скажу: «Наконец-то...» И буду иметь в виду, что она наконец-то сняла трубку.

А она, наверно, ответит: «Наконец-то». И будет иметь в виду, что наконец-то дождалась моего звонка. И тихонько добавит: «Ну когда ты приедешь ко мне?»

...Как мне назвать ее? Моя учительница. Это если быть неблагодарной. А если быть благодарной – моя мама. Кто-то спросит: разве может быть две мамы? Я отвечу: может.

Кто она? Наша Алла Дмитриевна. Наш Ангел, наша Фея. Моя.

Она учила нас жизни. Литературе. Любви. Быть честными. Благодарными. Быть простыми и сложными. Быть недосягаемыми и понятными.

Читать книги, слушать музыку, понимать картины и отмывать дочиста пространство вокруг себя – образами, рифмами, строчками.

Мир должен быть чистым.

Без чистоты нет порядка. Без красоты нет ума. Как в литературе, так и в жизни.

Мы очень давно ушли от нее. Мы все уже очень взрослые...

Мы все стали разными. Каждый пошел по своей тропе.

Один – ведущий инженер в конструкторском бюро – делает чертежи будущих ракет. Другой преподает русский язык и литературу – работает учителем.

Еще один включает карусели – радуется детей и их мам.

А кто-то давно болеет, но живет и не умирает, потому что

нельзя сдаваться – ведь так учила Алла...

«Здравствуй, моя маленькая...» – слышу я в трубке голос моей Аллы. И я тотчас же снова становлюсь маленькой: доверчивой, доброй, чистой. Нет ни прожитых лет, ни пройденных трагедий. Ни неудач, ни болезней, ни невзгод.

Я – та же маленькая, которую она взяла за ручку и повела по жизни. Научила любить, читать, писать. Заставила поверить в себя. Показала, где небо. Где живет мечта.

...Я нажимаю кнопку звонка. Дверь открывается. На пороге она – моя Фея. Моя Алла Дмитриевна.

«Здравствуй, моя маленькая, – говорит она. – Как хорошо, что ты пришла ко мне...»

Любимых не бросают

«Татьяна Васильевна, мы вас любим, а любимых не бросают!!!» – огромными буквами было написано мелом на доске. Весь мой шестой «А» ревел.

...В двадцать с небольшим я пришла в школу. Мне достался четвертый класс. Ребятишки были похожи на пчел. А кабинет русского языка – на улей. Я стояла в дверях и боялась войти. Как вести уроки у таких маленьких детей, я знала лишь теоретически – из институтских лекций и учебников.

«Вы наша новая учительница?» – вдруг услышала я. Передо мной возникла смешная девчонка, похожая на Пеппи

Длинный чулок. Пеппи схватила меня за руку и затащила в класс. Я даже опомниться не успела. «Тихо!» – неожиданно сильным и звонким голосом скомандовала девчонка. В классе наступила гробовая тишина. Дети-пчелы враз угомонились. И даже оказались на своих местах за партами. «Вот это авторитет!» – испуганно подумала я. И сказала: «Здравствуйте, дети! Меня зовут Татьяна Васильевна!»

Мне казалось, что говорю я твердо и решительно. Если бы я знала, как дрожал мой голосок, какими испуганными были глаза. «Я буду преподавать у вас русский язык и литературу, – продолжила я. – И еще буду вашим классным руководителем». «Классно!» – сказал какой-то рыженький мальчишка. Если бы этого мальчика увидела моя бабушка, она бы сказала про него: «Рыжий, аж красный!»

Девочка, похожая на Пеппи, строго спросила: «А вы замужем?» Я вспыхнула и растерялась: вот тебе и малышня! Зато лица четвероклашек оставались невозмутимыми. Все ждали ответа. «Нет, я не замужем», – ответила я, не зная, правильно ли поступаю. Педагогично ли? И тут вопросы посыпались градом: «А у вас есть дома кошка?», «А вы любите мультики?», «А у вас это костюм или просто юбка?», «А мы пойдем всем классом в поход?»

Я едва не оглохла. «Тишина! – несколько раз я хлопнула в ладоши: видела в каком-то кино, что так делает учитель. – Все вопросы потом, начинаем урок!» Пеппи и Рыжий-аж-красный мальчик переглянулись и враз хмыкнули.

Эти двое – лидеры в классе. Это был мой первый педагогический вывод. А второй вывод был такой: мамочки мои, что же я наделала? Почему я не пошла в медицинский, как советовала сестра? Почему я не пошла в авиационный, как мой приятель Мишка? Мало того что надо отвечать на коварные вопросы этих детей, водить их в походы и в кино, разговаривать о мультиках, – их ведь еще надо учить русскому языку и литературе!

Первый день прошел тяжело. Когда я пришла домой, то сразу упала на диван. Не легла, а именно упала. Тряслись руки, дрожали ноги, дергался глаз. «Как дела, Танечка? – радостно спросила мама. – Мы с папой предлагаем отметить твой первый рабочий день чаем и тортом!» Я ответила из последних сил: «Отмечайте без меня. Я немножко полежу, ладно?»

...До сих пор я была Таней, Танюшей или Татьяной. Теперь я стала Татьяной Васильевной – учительницей. Отвечаю за три десятка живых душ. За их разбитые коленки. За утерянные дневники. За девчачьи заколочки и банты. За пацанячьи кроссовки, которые куда-то деваются всё время. За успеваемость. За дисциплину. Мама дорогая, это список никогда не закончится!..

Рыжий-аж-красный мальчик, которого звали Сашкой Матушкиным, каждый день приносил конфеты и обижался, что учительница их не ест. Девочка-Пеппи оказалась отличницей по имени Ленка Парамонова. Она не могла усидеть

на месте не из вредности, а из-за темперамента. Поэтому я по неопытности вкатывала ей двойки по поведению. Но Лена молодец – она завела два дневника, как выяснилось намного позже.

И так изо дня в день, с утра до ночи – Машеньки, Славики, Наденьки, Коленьки. Бантики, рюкзаки, тетрадки, двойки, пятерки...

Я почти забросила романтические свидания с Михаилом, своим парнем, потому что вечером падала в кровать как убитая. Дома я проверяла тетради, писала планы, готовилась к урокам и мероприятиям. Это отнимало все силы. Но, как ни странно, мне это нравилось: у меня получалось быть учительницей!

«В класс вошла добрая Татьяна Васильевна. Наступила зловещая тишина», – писал Гена Петров в своей тетрадке. Я еле сдерживала смех, а вслух говорила: «Гена, проверь вот эту приставку».

Мой друг Мишка сначала недоумевал, а затем спросил напрямую: «Неужели ты променяла меня на этих козявок? Тебе что, интереснее с ними?!» Я не захотела ссориться и сказала: «У нас завтра поход. Пойдем с нами!» Четвероклашки, увидев свою учительницу в сопровождении незнакомого парня, недовольно загудели: а это что еще за жених? Но когда Миша стал играть с ними в разбойников, а потом учил разжигать костер, удить рыбу и ставить палатки, дети все как один повлюблились в него: показывали свои говорящие

часы, перочинные ножики, угощали жвачкой и конфетами. И даже пригласили: «Приходи, Мишка, к нам в школу. Будешь физру вести, а то наш учитель уже старенький!»

Физруком «жених» в школу не пошел, зато мне сказал: «Они у тебя смешные. И очень умные. Я даже не подозревал, что современная малышня такая продвинутая. Не то что мы в свое время. Куда в следующий раз рванем? Может, в цирк их свозить?»

Шли дни и месяцы. Были и цирк, и походы в кино, пикники, спортивные соревнования, куча грамот, похвальных листов, дипломов и медалей. И по успеваемости мой класс был одним из лучших.

...Я работала в школе третий год. Мои вчерашние малыши были уже шестиклашками. И тут меня пригласили на другую работу. «Вам надо расти, у вас хорошие перспективы. Другого такого шанса может и не быть», – сказал один серьезный человек. Сначала я отказывалась. Но этот серьезный человек был так настойчив, приводил такие веские аргументы и доводы, что после долгих колебаний и раздумий я все же согласилась. Боялась одного: как сказать об этом своим ребятам?

Говорить ничего не пришлось. Каким-то образом мой шестой «А» узнал всё сам. «Татьяна Васильевна, а это правда, что вы от нас уходите?!» – с вызовом спросила отличница-хулиганка Ленка-Пеппи.

Давно прозвенел звонок, и я уже давно сказала «Здрав-

ствуйте-садитесь!», но класс стоял. «Давайте поговорим после уроков, а сейчас надо заниматься», – сказала я. Взяла мел, распахнула «крыло» школьной доски и...

«ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА, МЫ ВАС ЛЮБИМ, А ЛЮБИМЫХ НЕ БРОСАЮТ!!!» – огромными буквами было написано мелом на доске. Я обернулась. Класс всё еще стоял. И все дети – как один – смотрели мне в глаза. По лицу Ленки-Пеппи текли слезы. Плакали Таня Малышева, Галя Кожевина, Надя Снежкова и другие девочки. Кусал губы троечник Женька Мамаев, шмыгал носом Вася Дегтярев, беззащитно моргал Генка Попков, хлопал мохнатыми ресницами Рыжий-аж-красный, Санька. Весь класс ревел.

«Ребята, ну что же вы...» – только и смогла я промолвить. И разрыдалась сама...

Урока не было. Мы не подготовились к диктанту. Все 45 минут мы проговорили. «Ребята, вы все поймёте, когда станете взрослыми, – начала я. – А сейчас просто поверьте мне. Я ухожу в другую жизнь и на другую работу не потому, что не люблю вас. Я люблю вас, но ухожу – так сложно устроена жизнь».

А своему Мишке-жениху я потом сказала: «Они научили меня любить. Они – мои первые дети».

Прошло много лет. Теперь у меня есть муж – тот самый

Мишка. У нас своя семья и свои дети. Но я всегда помню их – двадцать пять преданных, дорогих мне сердец.

Обнимай под музыку

Мы долго ехали, остановили машину. Хотелось передохнуть. Это был центр города. Стало очень тепло, даже жарко, поэтому приоткрыли дверцы. Включили радио. И вдруг...

Все прекрасные истории начинаются со слова «вдруг»: вдруг по радио зазвучала эта песня. Мимо шли люди, и с ними вдруг что-то начинало происходить. Едва заслышав музыку, они становились Другими.

Те, что шли суетливо и быстро, начинали двигаться медленно и красиво.

Те, что на ходу болтали, не особо слушая друг друга, – смолкали и начинали смотреть друг на друга, прислушиваясь к собеседнику. И к чему-то еще.

Те, что были в размолвке, – оборачивались друг к другу. Их лица светлели. Разглаживались упрямые морщинки. Губы начинали улыбаться. Они брали друг друга за руки, об-

нимали за плечи. И шли дальше, уже не разнимая рук.

А одна маленькая девочка взялась кружиться в такт музыки. Как юная фея. И ее мама начала кружиться рядом с ней. Молодая красивая женщина не думала в этот момент, уместно ли это. Две девочки – взрослая и юная – и впрямь были прекрасны.

...Над городом плыл сиреневый туман. Порхали лепестки цветущих вишен и яблонь. Теплый летний ветер уносил прочь обрывки чужих ссор, клочья глупых размолвок, пыль ненужных бед, болезней и невзгод.

Из простенького радиоприемника нашей машины над городом плыла музыка гениального Марка Нопфлера. Он поет на чужом языке, но ведь мы его понимаем. Значит, наши сердца все еще живы.

А разве этого мало?..

Куда же мы пришли?..

И опять очередь в казенном учреждении. Кому повезло – сидят. Другие подпирают стенки. Все как обычно. Скучно, томительно, душно.

Входит молодая женщина с ребенком на руках. Мальчик уже большой, лет семи. Почему такого большого мама тащит на руках? Потому, что ножки у сына не ходят, безжизненно болтаются, как плети. Это ДЦП.

Мама пристраивает парнишку на скамейку рядом со мной. Говорит сыну: «Сиди». Встает рядом. Достает из сумочки свой смартфон. Все. Мамы больше нет.

Мальчик испуганно смотрит по сторонам. Начинает раскачиваться из стороны в сторону. «Где это мы? – спрашивает он сам себя. – Куда это мы пришли? Куда мы пришли, ку-

да?...» Отчего мама не объяснит малышу, что все в порядке и не надо бояться? Может быть, мама не слышит своего ребенка? Слышит, ведь она стоит рядом.

Все очень просто. Маме некогда: она тычет пальчиками в клавиатуру, мечтательно улыбается, ждет ответа, читает ответ, хихикает едва слышно. И снова – пишет, читает, хихикает.

«Я вижу двери. За ними – кабинеты, – продолжает бормотать мальчик. – В кабинетах столы, там работают люди. Еще есть полки, шкафы, там много документов. Куда же мы пришли? Где мы?»

Почему эти вопросы сын не задаст своей маме?

«Малыш, все хорошо, – тихонько говорю я мальчику. – Скоро мама заберет документы и вы пойдете домой». Но ребенок даже не смотрит в мою сторону. Он не смотрит и на маму. Его глазенки мечутся по лицам чужих людей, беспомощно пытаются что-то разглядеть сквозь стеклянную стену регистратуры. Он раскачивается все больше. Его голос становится еще беспокойнее. Тоненькая шея вытягивается и напрягается.

Я понимаю: он боится. Он боится больших чужих зданий, чужих людей, шума, резких звуков и движений. Он жи-

вет в своем маленьком мире и любит тишину. Любит свои игрушки. Мульттики. Если дома есть кошка, он обязательно любит и эту кошку. Наверно, он любит маму. Разве можно не любить маму?...

«Куда мы пришли? – голосок ребенка становится громче. – Ходят люди. Они тоже пришли сюда. Зачем они пришли сюда? Кто их сюда позвал? Я вижу кабинеты, двери, документы, окна, стулья, женщин, мужчин...»

Какая-то бойкая тётка не выдержала: «Мамаша, у тебя ребенок сидит нервничает. Ты почему его не успокоишь-то?»

Взволнованный монолог малыша был резко оборван. «Все, хватит», – приказала мама сыну. Но не потому, что отреагировала на замечание. Просто подошла очередь. Взяла его на руки и направилась в один из кабинетов.

«Куда мы пришли? – кричал ребенок. Его крик был слышен даже сквозь закрытую дверь. – Где мы? Кто это? Куда мы...»

Господи, и правда – куда же мы пришли и до чего мы докатились...

Мама

Баба Надя утирала слезы, а они все катились. Щемило сердце, отнималась левая рука. Пожалели незнакомые люди, пустили квартиранткой.

В ночной рубашке, домашнем халате и тапочках на босу ногу убежала баба Надя из теплого дома от родной дочери. «Ты мне не мать, – визгливо, срывая голос, кричала Людмила. – Убирайся вон, старая ведьма! Змея проклятая!» Баба Надя бежала через огороды, поскользывалась, падала, неуклюже поднималась и спешила подальше от перекошенного злобой дочкиного лица, от слов восемнадцатилетнего внука Юры: «Если б не зажала деньги, никто бы тебя и не тронул!»

«Наезды» на бабу Надю начались сразу, как переселилась она с дедом к дочери. Люда приходила из своей фирмы нерв-

ная, молча ужинала и, хлопнув дверью, удалялась в свою комнату. Надежда Ивановна, сдерживая слезы, прибирала на кухне и там же садилась за вязание. Потом в дом врывается внук Юрик. И вместо «Привет, бабуля!», как он радостно кричал ей маленький, бросал грубо: «Жрать давай».

Когда в последний раз Людмила называла ее мамой? Что случилось с дочерью и любимым внуком? Почему выросла между родными людьми глухая стена отчуждения? Со своим мужем, Василием Петровичем, она говорить об этом боялась. Ведь он сказал однажды, как отрезал: незачем было съезжаться, жили бы и дальше в деревне. Вася старался реже бывать дома: сутки через трое дежурил сторожем, а в свободные дни на рыбалку уходил или в гараже пропадал. Да и не очень-то разговорчив был: контузило на войне, сильно заикался. А как разволнуется, вообще слова сказать не может.

Надя его, калеку, в госпитале под Орлом после ранения выхаживала, потом поженились. Детей долго не было, уже смирились, но родилась долгожданная доченька, Людмила. Славная такая, синеглазая. Но часто хворала, слабенькая была. Ни в чем девочке не отказывали, лучший кусочек отдавали. А как стала студенткой, дорогие украшения покупали. Для того-то мама и разрывалась на трех работах: днем автобусы мыла в гараже, вечером пол в конторе, а по ночам дежурила в детском доме. Сироты звали ее мамой Надей: жа-

лела их, неприкаянных.

Когда же она потеряла дочь? Неужто, отдавая тепло несчастным сиротам, свою родную обделяла? Заваливала доченьку подарками, а в душу заглядывать не успевала? Если б могла необразованная Надя разложить свою жизнь по полочкам, обнаружить промахи в воспитании! Просто жила как могла, любуясь на свое позднее и желанное дитё...

Людмила разговаривала с родителями на одну лишь тему – деньги: на еду, оплату квартиры, запчасти к машине, на шубу, «навороченные» телефоны. Зять, работавший по вахтам на Севере, получал хорошую зарплату, но этого Людмиле не хватало. Она ворчала, осуждая жадность родителей, хоть и отдавали они свои пенсии ей почти полностью. Потом начала скандалить. Однажды и вовсе подняла на мать руку: внуку Юрочке срочно нужна была новая дубленка. Одна истерика Юры-студента, другая... «Это наши с дедом смертные деньги. Для вас не жалко, а если помрем, вам морока с похоронами!» – пыталась оправдаться баба Надя.

И тут Людмила ударила мать. Скалкой для теста. Отступая, бабка неловко задела дорогую безделушку – любимую вазочку дочери. Та вдребезги разбилась, и мать получила еще одну колотушку. Продолжая пятиться и оглохнув от страшной ругани и дикого визга родной дочери и зятя, она

выскочила на лестничную площадку. Здесь, потеряв равновесие, упала и скатилась по ступенькам.

Перепуганную, грязную, в синяках и ссадинах старушку на несколько дней приютили соседи из частного дома. Потом молодая женщина, сдающая неподалеку домик, пустила к себе несчастную. Назначила квартирантке «смешную» плату: узнав ее историю, была шокирована.

...Баба Надя снимает угол через несколько улиц от своей дочери. Иногда на остановке встречает внука Юрочку. Он отворачивается и шагает прочь. А недавно столкнулась старушка в магазине со своим Васей. Не виделись несколько месяцев, соскучилась. Дед совсем осунулся, еще больше сгорбился. Он покупал пакет молока и батон серого хлеба. Отошли в сторонку, чтобы никто не заметил и дочери Людмиле не доложил. Если выгонит и его, то обратно не пустит.

«Ты помнишь, Надя, какой сегодня день? – волнуясь, а потому заикаясь еще больше, прошептал дед. – Сегодня 50 лет, как мы с тобой поженились».

Под корявым деревом, за углом продуктового магазина, стояли старик со старухой. Они держались за руки и плакали. Но никто этого не замечал: все спешили по своим делам.

Нуждающиеся в совести

Мой дед – Яков Федорович Веревкин

На днях потеплело, распогодилось, и я вытащила на забор перед домом две нехитрые вещицы – просушиться. Одна из них – дедово пальто. Знаете, такие были раньше «польты» – тяжелые, основательные, на ватине. И с цигейковым воротником. Двубортные. Со шлицей. Это теперь их называют «допотопными». А раньше такие «польты» любили, ценили и очень берегли. Надевали исключительно по выходным. Это была такая специальная выходная одежда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.